

Каждая знаменитая картина имеет историю, которая с годами обрастает все большим количеством легенд, часто весьма противоречивых. С картиной Крамского, репродукцию которой мы публикуем в этом номере, все случилось именно так, с той небольшой разницей, что сам художник стремился не только заинтересовать зрителей содержанием своей работы, но и заинтриговать их.

Он пишет портрет вызывающе красивой и, по-видимому, чем-то взволнованной женщины на фоне Невского проспекта и Аничкова дворца и намеренно называет его «Неизвестная». Репин в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда в 1883 году полотно впервые появилось на XI выставке передвижников, всем хотелось узнать, кто же такая эта Неизвестная.

Это и поныне осталось тайной. Среди художников, впрочем, сохранилась романтическая легенда о неожиданной встрече Крамского на улице с незнакомой женщиной, поразившей его яркой, эффектной красотой и необычным выражением лица. Через какое-то время в доме друзей, листая семейный альбом, художник среди множества фотографий увидел то же лицо и узнал историю нелегкой, исполненной драматизма жизни. Однако ни первые биографы художника, ни его дочь Крамская-Юнкер эту легенду не подтверждают, считают, что образ, созданный Крамским, собирательный и даже писался портрет с разных натурщиц. По свидетельству дочери, она и сама позировала для фигуры Неизвестной, сидя в коляске. Недавно найден первоначальный эскиз картины. Молодая женщина, сидящая в коляске, с вызовом смотрит поверх голов проходящих мимо людей. Ее грубо чувственное лицо, растрепанные волосы и не совсем свежий туалет не соответствуют ее позе, что вызывает насмешку и сожаление.

В воспоминаниях Репина есть рассказ об одном дне, проведенном среди «артельщиков» — тех самых художников, которые во главе с Крамским демонстративно вышли из Академии и организовали свободное творческое сообщество. Собравшись в большой

мастерской, они все писали одну ослепительной красоты натурщицу. Репин был этим несколько озадачен, потому что сподвижники Крамского, как он считал, являлись разрушителями эстетики, возвышенным темам, высокому стилю предпочитая «низкий» жанр, изображение сцен народной жизни. А тут, не скрывая своего восхищения, они писали красавицу. Правда, как заметил Репин, только Крамскому, единственному из всех, удалось уловить женское очарование натурщицы. Он был очень оживлен то ли атмосферой соперничества, которая невольно возникла в мастерской, то ли прикосновением к красоте, но работал энергично и удивительно точно. Именно тогда Репин понял, что в своем отношении к красоте «бунтари» совсем не похожи на все отрицающих нигилистов. Они, посмеиваясь над заповедью академических профессоров, утверждавших: «Тот не художник, кому живая женщина нравится больше Венеры Милосской», — предпочитали живую жизнь мертвым канонам. Вслед за Чернышевским они с восторгом повторяли: «Прекрасное есть жизнь». А поскольку красота была частью жизни, они любили ее, не становясь, впрочем, ее рабами. Не случайно они провозгласили себя служителями не красоты, но истины.

Рассуждая о назначении искусства, Крамской говорил Репину: «Не в том дело, чтобы написать ту или другую сцену из истории или действительной жизни. Она будет простой фотографией с натуры, этюдом, если не будет освещена философским мировоззрением автора и не будет носить глубокого смысла жизни...»

Эти слова художник подтвердил всей своей жизнью. В каком бы жанре он ни работал, он всегда стремился к осмыслению изображаемого. Это относится и к портрету.

Крамской был одареннейшим портретистом. Его способность передать внутреннюю жизнь человека многим казалась почти сверхъестественной. Софья Андреевна Толстая, наблюдавшая не раз за работой художника, писала, что его портреты Льва Николаевича «замечательно похожи», «смотреть страшно даже». Удачи радуют Крамского, но не останавливают его поисков. Он ставит перед собой задачу не просто запечатлеть какого-то человека, но через него выразить себя, свое отношение к жизни вообще и к своему времени в частности. И в самом деле: его портреты современников воспринимаются как картины. Вот, например, как отзывался В. Стасов о портрете певицы Е. Лавровской, которая изображена была во весь рост на эстраде в зале Дворянского собрания во время концерта: «...перед... глазами не то что уже простой портрет, а целая картина, где представлен и представлен на веки вечные отрывок из нашей теперешней жизни, из нынешних радостей и вдохновений». Картинами называли современники Крамского также его портреты Рубинштейна, жены художника с книгой в руках, больного Некрасова. Может ли стать темой картины лицо человека, запечатленного в какой-то из переломных или просто необычных моментов его жизни? Задавшись этим вопросом, Крамской пишет «Лунную ночь», «Неутешное горе»,

«Неизеестную». Три женщины, три судьбы, три повести о разных жизнях.

«Неизвестная» отличается от двух других картин тем, что лицо женщины настолько приближено к зрителю, что можно разглядеть и матовость смуглой кожи, и бархатистые тени от длинных ресниц, и невольную слезу, которая маскируется намеренно холодным, надменным выражением лица. Мы рассматриваем золотистый тон кожи, которым обтянуто сиденье коляски, мягкую синеву бархатного костюма, украшенного мехом и лентами, переливы светлого шелка, которым подбита шапочка со страусовым пером. Каждая деталь заставляет нас задумываться над тем, кто же такая эта незнакомка, к какому слою общества она принадлежит, какой ценой ей пришлось заплатить за роскошь, которая ее окружает.

Красота женщины волнует нас не сама по себе. Не случайно мы задаемся вопросом: не сыграла ли эта красота роковой роли в ее судьбе, в истории ее отношений с людьми, с обществом?

И с каким-то щемящим чувством отходим от картины, так и не получив ответа на все эти вопросы. А они между тем преследуют нас и беспокоят, заставляя вновь и вновь возвращаться к полотну, задумываться над судьбой изображенной на нем таинственной незнакомки.

Невольно на память приходят строки некрасовского стихотворения «Когда из мрака заблужденья я душу падшую извлек», посвященного той, которую поэт называет «дитем несчастья», а толпа клеймит позорным именем. Вспоминается и героиня тютчевской лирики, борющаяся за право любить, не считаясь с мнением света, любить наперекор и людям и судьбе:

*И горе ей, — увы, двойное горе,
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре
С улыбкой на устах—в неравный бой.
Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты.
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы.*

За несколько лет до появления картины Крамского был опубликован роман Толстого

«Анна Каренина». Параллель между образом Анны и Неизвестной невольно возникала в воображении современников. Возможно, толстовская героиня и повлияла на самое рождение замысла Крамского. Особенно сцена появления Анны в театре, когда посторонние могли любоваться спокойствием и красотой этой женщины, не подозревая о том, что она чувствовала себя как человек, выставленный у позорного столба. Этот контраст внешнего и внутреннего мог поразить Крамского глубиной психологического конфликта. В своей картине художник выбрал момент, подобный тому, который изобразил Толстой, и сам как бы со стороны смотрит на свою модель, не открывая собственного отношения к ней, тем самым как бы заставляя зрителя додумывать судьбу изображенной женщины, напрягать свое воображение и фантазию.

Был ли знаком Крамской с рассказами Гаршина. помнил ли он одну из любимых героинь писателя — Надежду Николаевну, отторгнутую обществом, внутренне надломленную? Литературные примеры можно было бы множить до бесконечности, потому что образ женщины, противостоящей обществу, не принимающей его тупую и ханжескую мораль, был чрезвычайно популярен в прозе и поэзии 60—70-х годов прошлого века. Связь с литературой продолжилась и в нашем веке. Картину Крамского все знают не под тем названием, которое дал ей автор, а под другим. Ее называют «Незнакомка», возможно, под воздействием блоковской «Незнакомки». Образы эти совсем не похожи, и все-таки какая-то внутренняя связь, на мой взгляд, между ними существует. В сознании большинства людей утвердилась мысль, что в русском искусстве существуют две «Незнакомки»: одна—Крамского, другая—Блока.

Кто знает, может быть, под влиянием Блока и возникла романтическая легенда о неожиданной встрече на улице, о красавице, преследовавшей воображение художника. Что ж, это еще одно доказательство живой жизни полотна.

*Л. Осипова,
"Работница", № 1, 1977 г.*